

18+

Марина Пономарёва
Сын воеводы

Невечерний мой Свет...

Марина Пономарёва
СЫН ВОЕВОДЫ.
Невечерний мой свет...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72663283

ISBN 9785006826175

Аннотация

В сборник «Сын воеводы/Невечерний мой свет» вошли стихотворения из трех поэтических циклов, посвященных воину, опричнику и советнику Иоанна Грозного Фёдору Алексеевичу Басманову. И несколько художественных эссе моего авторского проекта «Дорога Фёдора Басманова». Данные работы являются художественными (лирическими!), но неразрывно связаны с моими документальными исканиями, исследованиями и работами по изучению истории Басмановых-Плещеевых.

Содержание

Переславские сказки ОТ РЫЖЕЙ ВЕДЬМЫ С АЛЕКСАНДРОВОЙ ГОРЫ	6
Однажды, выюжной февральской ночью	10
Фёдор – дар божий	17
Древнерусская Пасха	25
Клятва	27
Мой свет Невечерний	31
Целовать до одури	33
О страшных сказках	35
Твои глаза – две русских незабудки	38
Колыбельная белого кречета	40
Ладная моя, родная	42
Ты – мой воин! Я твой поэт	44
Соловьи	46
Энколпий	47
Кострома	49
Разговор с городом	51
Богородица Сентябрина	53
Билет до Кириллова	55
Чадили дымницы	57
Ежели ты со мной...	59
Купальское	61
Художественное эссе проекта «Дорога Фёдора	63

Басманова»	
Смерти нет. Есть только Ты и Плещеево озеро	63
День первый	68
День второй	80
День третий	83
Сбежать от всего мира, чтобы посмотреть в глаза Одигитрии перед которой ты молился...	85
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Сын воеводы Невечерний мой свет...

Марина Пономарёва

© Марина Пономарёва, 2025

ISBN 978-5-0068-2617-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Переславские сказки ОТ РЫЖЕЙ
ВЕДЬМЫ С АЛЕКСАНДРОВОЙ ГОРЫ**

Емзарово

Поднимайся солнце румяное! Озари Русь древнюю, Русь туманную. Озари лучами золотыми, помоги сумрак отогнать! Просыпайся город любимый! Время правду слушать. Пять веков правда в темноте пряталась, выйти на свет не могла, сил не хватало. Горланил Сирина, горланил, а я звонче. А я громче. Сирина¹ меня не перепеть. И другие птицы из страшных сказок перепеть не смогут, куда жила я! А коль умру, всё одно вернусь. Чтобы допеть правдивую песню о сыне русского воеводы. О красоте, великолепии его, отваге и смелости. О том, как воевать мечтал. О зависти и ненависти лютой, заставляющей цветы волшебные топтать. Но волшебные цветы не вытоптать! Даже самым злым нелюдям. Поднимутся цветы, расправятся. Так и Ты! Поднимешься, руки разведешь, крылья расправишь! Во всей красе своей. Пришло время Твоё. А я? А я «не боюсь зла»... Просто потому что Ты со мной.

(на фото Никитский храм бояр Басмановых в с. Елизарово. Фото автора)

С древней Русью я познакомилась задолго до встречи

¹ Отсылка на название современного романа, порочащего честь, репутацию и достоинство реального человека, ставшего героем данной книги.

с главным героем этой книги. Моим первым проводником стала мама. Вернувшись после школьной экскурсии в Звенигород, я поделилась впечатлениями.

Впервые пробило насквозь. Впервые слов не хватало. Что это? Что со мной? Небо над головой, сосны и городские валы, стены монастырские беленые. А мне, школьнице, иные чудятся! Темные и теплые. Деревянные и влажные.

Выслушав, мама долго думала. Потом сказала:

— Представь! Несколько веков назад сидела девочка на полянке. Как две капли на тебя похожая. Вот под этими стенами и сидела. В травах, в цветах. Косы расчесывала.

— Правда?

— Конечно.

— А кто эта девочка? Любопытно...

— Узнаешь когда-нибудь. Если любопытно. Может это прапрапрабабушка твоя? А может... ты сама.

Много воды утекло. Даже мамин голос в голове стал звучать тише, потерял узнаваемость. Но ключ от самой тайной дверки (такая есть в каждом человеке!) я приняла из её рук. Через много-много лет после маминого ухода, я открыла эту дверь. Чтобы встретиться с той самой девочкой.

И не только с ней.

Однажды, вьюжной февральской ночью

*Свет не вечерний родная, душу мою ослепшую
провести...*

*7-я молитва Пресвятой Богородице.
Не вечерний – в знач. бесконечный.*

Однажды, вьюжной февральской ночью, близ города Переславля-Залесского в семье славного русского воеводы Алексея Даниловича Басманова, случилось долгожданное пополнение.

Зажглась на переславском небосводе яркая улыбочивая звездочка. Сын родился. Первенец!

Может, ангелы пели в ту ночь, благословляя родителей, уже не чаявших познать простое человеческое счастье. Может, черти жребий бросали, чтобы выяснить, кому впоследствии достанется эта странная душа. Однако ночь, когда мальчик появился на свет, выдалась особенной. Тихой и безмятежной. Плыл над Переславлем дым, а из си-не-чёрного расколотого небосвода сочилась густая млечность. В такие ночи время застывает. Воздух становится стеклянным, а пространство бесконечным. В такие ночи граница между мирами исчезает.

Новорождённого нарекли Феодором, Фёдором. Фёдор –

значит дар Божий, дар Господень. Очень может быть, в честь христианского святого Феодора Стратилата. В наше время несправедливо забытого, но особо почитаемого православным русским воинством. Кто знает, не святой ли Феодор Стратилат помог верному рабу своему вымолить это чудо, словечко замолвил. Заслужил Алексей Данилович! Доблестью, отвагой, бесстрашным и верным служением на рубежах Отечества. Заслужил.

Ребёнок случился поздний. Когда Господь осчастливил Алексея Даниловича и супругу его, голубку терпеливую, воевода находился в годах солидных даже по меркам современным. А уж по меркам века шестнадцатого ему не детей, а внуков впору было нянчить. Сажать малых на колени, терпеть, когда за бороду тянут. Внуки – это внуки! Рассказывать о легендарных битвах с татарами, ливонцами и прочей нечистью заморской. Кому, как не Алексею Басманову, знать про такое? Кому, как не Алексею Даниловичу, передавать опыт молодым? На лошадь сажать, учить обращаться с сабелькой.

Отличился воевода и на Судбищах, и под Казанью. На город Юрьев ходил, Ругодив и Феллин брал. Благословение на подвиги получал от самого Никиты святителя Новгородского. Хлебнул трудностей походных, пуд соли съел, цену побед честных и поражений горьких изведal. Храм построил в память о собственных воинах, что полегли под Казанью от рук нечестивцев. Умел жизнь человеческую ценить.

Знал он, благодаря кому победы возможны! Нигде и никогда не отсиживался. Не посрамил род Плещеевых! Тех самых, что несколько веков были для русских государей опорой. Опорой крепкой, надёжной. Плещеевы у трона стояли скромно. Чуть в стороне. За славой и почестями попере́к остальных никогда не лезли, локтями расталкивая. Зачем? Почёт и слава сами придут после дела доброго. Делай, что должен и будь что будет!

Алексей Данилович, бесстрашный воин и талантливый воевода, лучшее у своего рода взял да преумножил. Выше других вознёсся, не возгордившись притом.

Но тягучее, липкое проклятие, невесть откуда взявшееся, много лет следовало за ним. Вырос, возмужал, научился всему без батюшки. Даже взгляда весёлого не помнил. Один за другим умирали его малолетние дети, не дожив до возраста, который назывался в те времена отрочеством. И вот... отступило проклятие? Растаяло? Сын родился! Первенец. Желанный. Наследник!

Увы! Лишь затаилось проклятие. Предоставило воеводе и его семье небольшую передышку, чтобы много позже ударить с новой силой. Низвергнуть Басмановых в пучину человеческой злобы. Кто ж нагрешил так в семье? За что и за какие дела, пять веков нечисть куражится да издевается над желанным сыном его, как над злодеями лютыми не издеваются?!

Все прекрасно знают, что поздние дети особо любимы.

Баловни! Даже если родители уже неоднократно познали счастье отцовства и материнства. Алексею же такое счастье предстояло узнать впервые. Любовь к сыну воевода доказал не пустой звягой, а делом истинным.

Испытав все горести тяжёлого продвижения по службе, познав, каково оно, ждать милость от судьбы, не имея возможности показать всё, на что способен, Басманов стал человеком, дерзнувшим изменить служебные механизмы своей эпохи. Он сломал систему и поднялся на недостижимую для многих современников высоту. Заодно обеспечил собственному сыну и другим талантливым молодчикам блестящее будущее, почётные должности и безбедную жизнь. Много или мало оставалось сделать самому Фёдору Басманову? Забегая вперёд, приоткрою тайну – много! Невероятно много. Ему предстояло удержаться на шаткой небесной лестнице и не упасть с высоты на земную твердь, утыканную кольями. А то и просто к ногам вчерашних собратьев, тут же превращающихся в шакалов, готовых разорвать на куски.

Фёдор рос в молодом средневековом мире, где талантливым быть мало. Нужно каждый день доказывать, что лучший, сильнейший. Первый среди таких же.

Поздние дети любимы, но любовь эта зачастую представляет собой странное сочетание баловства и требовательности. Ты родился и теперь многое должен. Роду, отцу, государю, Отечеству. Нелегко приходилось юноше в шест-

надцатом веке, а сыну такого отца вдвойне тяжелее. Быть не хуже. Быть ровней, быть лучше! Сделать то, что не сделал Алексей Данилович. А переплюнуть Басманова Алексея – невероятно сложно. Глыба, скала! Политик, воин, дипломат. Государев советник! Да какого государя! До сих об Иоанне IV Грозном спорят до хрипоты, копыя ломают. Силу и ум, порядочность, упрямство, характер, военную доблесть, отвагу и смекалку – всё это Алексей должен был передать своему сыну. Позднему, любимому, желанному. Сын же всё это принять, усвоить и соответствовать.

Яблоко падает от яблоньки недалеко. Но красивые, румяные и сочные яблоки желанная добыча червяков. Не знал Алексей Данилович, сколько горестей ему достанется. Но ещё больше печалей свалится на голову юную, вихрастую. Взбалмошный сын получился. С норовом. Даже в час собственной гибели, не пожелал покинуть грешную землю. Не пожелал раствориться в небытии. Характер решил показать. Потягаться решил со смертишкой, отринув дары её. Не захотел в безмолвие вечное уходить.

Фёдор Алексеевич Басманов-Плещев родился под счастливой звездой и с «золотой ложкой во рту». Это позже настанут дурные времена, когда молодого мужчину, воина, полного сил и нереализованных талантов, предадут, оболгут и добьют где-то в сырых тюрьмах северного Белозёрского края. Разлучив с маленькими сыновьями, заставив лицезреть падение любимого отца. Единственного настоящего

го друга и наставника. А других друзей у Фёдора не было. Их не бывает у тех, кто находится на такой высоте.

Оскалятся палачи, которые еще вчера подобострастно улыбались, кланялись, целовали длань в азуриновых перстенках и вились вокруг молодого кречета. Смотревшего чуть свысока, но всё же добро. Открыто. Честно. А по-иному Фёдор Алексеевич Басманов и не умел.

Выпадет им возможность уничтожить того, кто за просто мог сравняться с Алексеем. А в чем-то и превзойти. Попробуют, попытаются спесь сбить, гонор поубавить! Отнять всё, к чему Фёдор привык с детства. Лишить даже отпевания, могилы и достойной памяти. Несколько веков будут уничтожать с такой злобой, с какой уничтожают лучших.

Это потом писатель А. К. Толстой напишет про сына воеводы «...отверженный Богом Басманов». Создаст художественный образ глупца и подлеца. А потомки зачем-то в этот образ поверят. Примут за действительность подлые художественные фантазии.

Это потом многоуважаемый Н. М. Карамзин, который завещал нам защищать мёртвых, оставит на измученной, скитающейся по свету душе, несправедливое и лживое клеймо отцеубийцы. Пересказав своим читателям сплетню одной из самых желчных и злобных персоналий XVI века. Персоналии, предавшей свое Отечество. Персоналии, охваченной ненавистью ко всему, что осталось подле Иоанна Ва-

ильевича и ко всем, кто составил ближний круг царя после 1563 года².

Это потом все те, чей авторитет «крупных литераторов», люди страшно бояться подвергнуть скепсису и осмыслению (хотя историки давно это сделали!), потопчутся на живой душе. Оправдывая свои злобные и грязные фантазии «художественным вымыслом». На который (якобы) каждый автор имеет право. Это потом, в наше время, юный защитник Рязани, отогнавший от стен осажденного города тьму крымчаков, станет излюбленным объектом для развлечения у поклонников альтернативной истории, скучающих домохозяек и любителей сплетен, неспособных видеть красоту настоящей русской истории. Будет испачкан липкими руками, будет зваться не по имени-отчеству, как должно звать предков, а «Федькой», «царской Федорой», «Федюшей». А в ту зимнюю ночь пыхтели дымницы. И время стыло. В доме воеводы разразилось первым криком долгожданное счастье. Звезда Фёдора Басманова набирала силу, освещая в одиночку небо заснеженного Переславля-Залесского и блуждая по кромке Пळेцева озера.

² Речь идёт о князе-предателе А. М. Курбском, который сбежал на сторону врага с нашими военными тайнами. Спустя некоторое время после побега, князь вернулся на территорию бывшей Родины грабить, убивать соотечественников и сжигать храмы. Был и остается символом, флагманом и кумиром либералов всех мастей и прочих личностей, осмеивающих такое понятие как «любовь к Родине».

Фёдор – дар божий

Что нужно для того чтобы твоё имя не кануло в Лету и спустя долгие годы после гибели произносилось потомками с придыханием или проклятием, восхищением или живой неугасающей ненавистью? Ответ (вроде бы!) очевиден. Быть крупным полководцем, чья военная биография насчитывает несколько выигранных (или скандально проигранных) битв. Можно даже одну, но оказавшую бесспорное влияние на развитие страны. Быть политиком или государственным деятелем. Необязательно положительным. Всё равно о тебе будут спорить. Любить и проклинать. Можно быть поэтом, прозаиком, музыкантом, философом. Оставить потомкам внушительное творческое наследие. Это наследие будут изучать биографы, выискивать скрытые смыслы, которых нет, а поклонники гадать, сам ты сунул голову в петлю или тебе помогли? Можно быть учёным, сделавшим важное открытие или жестоким садистом, чьё имя станет нарицательным.

Можно быть или героем, не выдавшим врагам военную тайну или предателем. Можно совершить один-единственный поступок или проступок, имеющий значение если не для человечества, то для своего народа или более-менее обширной группы людей. Александром Невским, князем Владимиром, Сталиным, Гитлером, Грозным, Высоцким или Есе-

нинным, Чикатило или битцевским маньяком, Дж. Бруно или Королёвым, Зоей Космодемьянской или Рихардом Зорге, Пушкиным или Достоевским... Маратом или Че Геварой.

Имя Фёдора Алексеевича Басманова, опричника из XVI века, осталось в человеческой памяти случайно. По всем законам бытия оно должно было сгнуться и раствориться в пучине времени. Остаться призрачной и прозрачной канцелярской строчкой в документе. Равнодушным сообщением о том, что у русского воеводы Алексея Даниловича Басманова «жил-был сын Фёдор, который родился...».

Перспективный юноша, достойный отпрыск рода Плещеевых, верный соратник самого неоднозначного русского правителя, ушёл из жизни в момент раскрытия человеческих способностей.

Впереди могло быть столько выигранных битв, серьёзных назначений и политических свершений! Трагический набег татар на Москву в 1571 году (неизвестно, как бы повернулся ход битвы, не уничтожь Иоанн лучших руководителей опричнины, военных героев прошлых десятилетий), героическая битва при Молодях, оборона Пскова. Все перечисленные (и остальные) сражения могли принадлежать воеводе Ф. А. Басманову, ибо никто из Плещеевых ни разу не посрамил свой род. Алексей Данилович Басманов входил в число лучших людей века. Сына он не пощадил. Привёл в самый эпицентр новой военной и политической реальности. Много позже преданность Отечеству докажут уже внуки Алек-

сея – тихий и спокойный Иван, погибший при выполнении служебного долга и амбициозный Пётр, который совершил своеобразный выбор, но стоял за этот выбор до самого конца. С настоящим плещеевским упорством и плещеевской отвагой.

Даже по меркам XVI века Фёдор ушёл слишком рано и трагично. Безусловно, он всё же успел оставить после себя пример удивительно искрометного карьерного взлёта и несколько ярких служебных назначений. Однако данная информация, если её не показать соответствующим образом и не заострить внимание читателя на самых важных определяющих моментах, может быть интересна разве только историкам. Но если изучать биографии членов семьи внимательно, можно обнаружить, что большинству историков на Басмановых плевать.

За спиной Фёдора остался клубок неоднозначных сплетен, придуманных очевидными врагами нашего Отечества. Разве мало в истории скандальных личностей? Об их злодеяниях известно намного больше и наверняка. Разве не знает история порочных людей, чьи поступки изучены вдоль и поперёк и являются фактами, а не бездоказательными домыслами? И можно ли наш мир, выдавший всё, удивить и раззадорить призрачным намёком на какие-то абстрактные неблагоприятные поступки? Однако так трагически сложилось, что Фёдор и Алексей Басмановы по определению удобная и соблазнительная мишень для отравленных стрел.

Не умеешь стрелять? Можно попробовать воткнуть нож в спину или просто плюнуть с безопасного расстояния.

Отец и сын воссияли над Русью тёмной польной звездой и оставили после себя славу неоднозначную, пугающую изменников и врагов до сих пор. Но прежде всего, Фёдор и Алексей Басмановы – русские герои. Талантливые воины, которые служили Отечеству верой и правдой. За плечами Алексея множество битв и героических побед. Он вытаскивал войско из самых трагических ситуаций. Казанское взятие, Судбищи, взятие Полоцка и Нарвы, взятие Феллина! В 1564 году отец и сын Басмановы несколько дней держали оборону Рязани супротив шестидесятитысячного татарского войска Девлет-Гирея. С этим они справились без поддержки царской армии и других опытных воевод. В городе не было помощников, равных по статусу и опыту Алексею. Единственным его помощником в страшных, неудачных, трагических обстоятельствах, стал собственный сын.

Крест Алексея – тяжёлый крест политика первого эшелона. Крест в некотором смысле благородный. Это ответственность, которую человек берёт на себя сам, выбирая жизненный путь. Берёт добровольно. Осознавая последствия. Но сын, похожий на тонкую гибкую вербу, призрачный, мерцающий в своём отчаянии, принял груз непосильный и незаслуженный. По чьей-то странной и злобной прихоти, имя Фёдора Алексеевича Басманова выжило, словно

медуза, выброшенная на берег. Иногда он напоминает о себе осторожно и робко. Иногда кулаком опричного разбойника стучится в двери очередного зазевавшегося поэта, способного уловить «тонкие колебания» в пространстве, именуемые «вдохновением». А как ещё их называть, чтобы самому не было страшно и чтобы не прослыть городским сумасшедшим? И чем подобная случайность является для самого опричника Фёдора? Счастьем или проклятием?

Счастливая звезда, предопределенность в служебной карьере, статусное положение, выгодный династический брак, защитивший после опалы его сыновей. Положение не просто при дворе, а рядом с государем. Подле него. В современном мире Фёдора назвали бы «мажором», представителем «золотой молодёжи». Заманчива, но проста ли подобная роль? Золотая молодёжь XVI века, юноши из военных семей, действительно являлись элитой общества. Они должны были знать и уметь намного больше, чем отрок из крестьянской семьи, чьи обязанности ограничивались физическим трудом и христианской добродетелью.

Кто только не писал про Фёдора Алексеевича Басманова! И чего только о нём не писали. Не дождался сын русского воеводы в своём посмертии лишь уважения и любви. У него отнимали имя, пытались подменить разукрашенным чучелом в бусах и летниках из эпатажных работ С. М. Эйзенштейна, известных своим глумливым эротизированным подтекстом. Лубочными глупостями А. К. Толстого. Раз-

вращенным злодеем из проплаченных пропагандистских либеральных проектов. У Фёдора пытались отнять достоинство и честь, запятнать память и память его отца. Приписать этому юноше страшные злодеяния, создать максимально отталкивающий образ.

Забавно, но меня тоже кем только не считали. И в чём только не обвиняли. В том, что оправдываю oprичников-убийц, не достойных доброй памяти и уважения. Пытались уличить в том, что считаю себя реинкарнацией собственной лирической героини, обитающей в XVI веке. Сводили счеты, называя «ведьмой». Любимый способ уничтожения тех, кто отличается от фанатично-агрессивной массы. Но я никогда и ничего не отрицала и не отрицаю. Живой и разумной Вселенной, которая свела меня с Басмановыми, виднее. Возможно, чтобы сорвать этот цвет папоротника, необходимо быть немного ведьмой. Упрямой и даже беспринципной, если дело касается движения вперед или борьбы за тех, кого ты любишь. А борьба в данном случае – страшная и жестокая. Сорвал папоротник, иди вперед! Не оглядывайся! Будет нечисть выть, дергать за волосы, подставлять подножки. Как выиграть? Любить того, ради кого идёшь во тьму и не сомневаться.

В 2020 году я решила рассказать широкой аудитории правду об этих людях и создала историко-литературный интернет-проект «Дорога Басманова Фёдора», нацеленный на популяризацию правдивой информации о Басмановых.

В 2024 году увидела свет моя документальная книга «Фёдор и Алексей Басмановы. Пять веков без права голоса». Вслед за этим я провела ряд семинаров и лекций в библиотеках и культурных центрах нескольких городов, исторически связанных с Басмановыми: Коломне, Александрове, Москве, Рязанцево, Елизарово. Но прежде всего, в Переславле-Залесском. В январе 2025 года организовала выставку-экспозицию «Бояре Басмановы – несколько веков доблестного служения Отечеству» при Никитском храме Басмановых в с. Елизарово и провела несколько историко-литературных встреч, приуроченных к открытию выставки.

Но и этого досадно мало, чтобы показать всю красоту и великолепие этих людей. Ничтожно мало! Басмановы достойны стать примером патриотизма, героизма, силы и духа. Примером честной службы и любви к Отчизне.

На данный момент работа не окончена. Надеюсь, не остановится она и дальше. Проводятся новые встречи с единомышленниками в разных городах, возникают новые договорённости, подтягиваются и притягиваются новые люди. Одни очаровываются настоящими Басмановыми, доверившись мне как автору-историку. Другие, более лирично воспринимающие мир, доверяют как автору-поэту. Третьи, понимают, что предков чужих не бывает и заинтересованы в восстановлении исторической справедливости.

В документальной книге «Фёдор и Алексей Басмановы. Пять веков без права голоса», я собрала все имеющиеся

о Басмановых факты и предложила читателям наиболее полную, объективную картину исторической действительности с учетом всех нюансов, которые ранее учитывали неохотно или не учитывали вовсе. А вот эта книга – поэтический сборник для тех, кто воспринимает мир через лирические художественные образы. В сборник вошли мои лучшие стихи из трёх циклов, посвящённых Фёдору Басманову и художественные эссе (отрывки из неопубликованных эссе) проекта «Дорога Фёдора Басманова». Что-то в полном виде, что-то фрагментарно.

Вряд ли кто-то ответит за пять веков лжи, клеветы и грязи. Вряд ли всё это исчезнет совсем. Вряд ли я смогу отменить или спрятать куда-то липкие фантазии С. М. Эйзенштейна, А. К. Толстого и Н. М. Карамзина. Но если по воле Вселенной поэт может создать новый мир для своего героя и может вдохнуть в этот мир жизнь, я постараюсь не упустить такую возможность. Делай, что должен и будь...

И да, это всё о любви. Через века.

Древнерусская Пасха

*Пять веков назад всё было то же.
Март, апрель. Пасхальный перезвон.
Я брела не слишком осторожно,
В дом к тому, кто позже был казнён.*

*Тихой ночью, пахнувшей не мёдом,
А прогорклым, жжёным куличом,
Мы узнали цену на свободу.
Как узнали позже, что почём.*

*Любится в такую ночь безгрешно!
Только звёзды нынче не горят.
Словно знают: буду безутешной
Я потом. Все пять веков подряд.*

*Молодец! Прими овчач и низко,
До земли, не брезгуй, поклонись!
Ты умрёшь. Но будешь очень близко.
Чтоб однажды крикнуть «оглянись!»*

*На Руси так водится – на праздник,
За любимых, грех не отмолить.
А в двадцатом веке память дразнит,*

Вспоминая, что не изменить.

*Загрустив на Светлую седмицу,
Пред иконой осенивши лоб,
В ночь бежит пропащая девица.
Пряча под саяном злой озноб.*

*Древний город, Псков или Коломна,
Может Тула или Городец,
Не подарят угол нам укромный.
Чтоб вдвоём остаться, наконец.*

*Снова звон закрутится над вербой.
Пахнет летом, солнцем и травой.
Мне бы вспомнить прошлой Пасхи небыль!
Молодца с вихрастой головой.*

*Кто виновен в древнерусской драме?
Бог опальным дарит куличи.
Я проснусь в двадцатом веке.
В храме. Возле затухающей свечи.*

26.04.2022 г.

Клятва

*Так какую тебе дать клятву?!
Коль земных на сегодня мало!
Любый! Проклятый и проклятый!
Руки чьи, в загустевшем алом.
Смотришь мягко и вроде робко.
Входишь в сумраке крованистом.
– Если б день в вашем мире пробыл,
Подарил бы тебе монисто!
Аksamита и алтабаса!
На любую твою причуду!
Коли Судного нету часа,
Провалюсь, но дары добуду!
Здесь, где нынче совсем не спится,
Не достать ни икон, ни цаты.
Разве можно пустым к девице?
Ох! Зачем я тебе, проклятый?!
Если б мог, подарил бы лучшее!
Сладко-грешное и развратное.
Эх, за что мы друг друга мучаем?!
Может, всё же уйти обратно?
Просочусь меж кровавых строчек,
Расцелую твои колени...
Поклянись, не пройдёшь меж прочими!
И что будешь до смерти верить
В мою доблесть и силу ратную!*

*В те победы, что мне не дадены!
Будешь битая, не обнятая,
Примешь всё за меня! За гадину.*

*Впрочем, нет, не клянись. Не надо.
Я сегодня дурной и пьяный.
Для тебя я кафтан сафьяновый
Приодену и встану рядом!
В Переславле отметим Пасху.
Что ревьешь-то? Расплавивши свечи!
Знай! Отдал за тебя рубаху,
За проклятую нашу встречу.
Обниму! Потерпи немного.
Целовать я умел, как надобно.
Дай хоть косу твою потрогаю,
Притворившись дымком от ладана!
Поклянись! Нет. Не надо. Нечего.
Только большие себя измучаем.
Уж сбегал! Но вернулся вечером.
По кривой, по речной излучине.
– Так какие тебе зароки?
Коль люблю, то поверь, навечно!
Мой любимый и мой жестокий!
Нынче вырежу на предплечье
Твое имя, что помнит больно!
Хочешь вечером, хочешь с зорями...
Приходи! Когда хочешь. Вольно.
Босиком бы по той землице,
Где истлел твой нательный крестик.*

Облететь Белозёрье птицей,
Отыскать бы тебя! Да вместе
Над той Русью, где нет могилы,
Где цветы полевые вьются,
Расколоть, что есть дури, силы,
Трех озёр голубые блюда!
Так какую ты хочешь клятву?
За тебя проползти по пыточным?
А потом, на траву, примятую,
За тебя чёрной кровью вытечь?
Промокнуть твои раны косами!
А следы все собрать, точь ягоды...
Коль могла бы, сожгла доносы!
До пожарища. Сильно загодя.
Если б вымолить у вселенной,
Новый крест на двоих! Так легче.
Я свободная. Я не пленная.
И поэтому, на предплечье
Самым тонким и самым острым,
Голенищным иль саадачным,
Знай же, вырежу по живому,
Я одну на двоих удачу!
Имя, клятву «теперь навечно»...
Ты же спросишь:
– Вот так вот, просто?!
Так подай же, мой друг заплечный,
Нож сапожный!
Нож самый острый.

15.04.2021 г.

Мой свет Невечерний

*В сером мраке ночей ты меня разглядишь.
Моя милая, нежная глупость.
Я устал. Я с дороги. Ну, а ты всё не спишь?
Так давай же, порочную юность
Мы припомним с тобою. Недолог привал.
Возле Нави на бесов облавы!
Никогда я, поверь, для себя не желал,
Столь сомнительной тягостной славы.*

*Стекленеет с мороза рябиновый лал...
Уж прости! Я не знаю, как вышло!
Словно пьяный, тебя до утра целовал,
Верил свято: нас сводит Всевышний!
Я не знаю, что нынче творится со мной!
Знаешь, девка, с тобою непросто.
Слышишь, девка! Не кисни и волком не вой.
Точь кликуша на древнем погосте!
Сдавит клетку грудную твой девичий плач!
Так когда-то бездушным металлом,
Самый злой и жестокий наемный палач,
На закате багрянисто-алом,
Улыбаясь шутливо, мне ребра ломал.
Я молился «не знай же об этом!».
Помнишь стужу? Морозец, рябиновый лал?
Помнишь брызги озёрные летом?*

*Невечерний мой свет! Я сегодня как вор,
Пробираюсь к тебе по закату.
Нас с тобою не пустят в церковный притвор,
Но каким же я стану богатым,
Через сотню пустынно растраченных лет!
Не боюсь я ни лжи, ни наветов.
Я всегда был с тобой! Невечерний мой свет!
Коли худо, Ты вспомни об этом!*

12.05.2024 г.

Целовать до одури

*Синева залесская! Без конца и края.
Мне до рая – вечность. Не дойти до рая!
Мне до ада ближе, но закрыты двери.
Умоляла «верь мне!». А сама мне веришь?*

*В переславском поле спеет земляника.
Ах, моя бы воля! Обнял бы до крика!
До чертовской, грешной, истомленной дрожи!
Если б на минуточку, на минуточку ожил!*

*Целовать до одури на залесских травах.
Пропадать, так пропадом! Ты – моя отрава.
Коли в ад, то грешником, помня запах кожи.
Не был бы кромешником, так давно бы ожил.
А не будь развратником, мы бы и не встретились.
Как впустила странника, после не повесилась?!*

*Русая! Не рыжая. Чарку дай, не с ядом!
Если нынче выживу, то останусь рядом!
Не с придворной мерзостью, меж лампад потухших,
А с манящей дерзостью алых губ припухших.*

В золотистых пятнышках луговых, перина.

Горько шепчет матушка:

– Берегись, Марина!

Судят ли целованных по законам общим?

Оба мы балованы! Постоянно роищем.

– Не травил бы душу!

– Ты сама мне травмишь.

Нынче правду слушай! Правду не исправишь!

Правду не запрядешь под подол девичий!

Обо мне ли плачешь? Мне ль поёшь по-птичьи?

Обо мне ль секретом делишься с подругой?

Помнишь, прошлым летом выгнала с испугом?

– Старое помянешь?

– Память – тётка злая. Нынче гнать не станешь?

– Нынче я дурная.

Переславля храмы стерпят. Много видели.

Говорят «упряма», ангел да родители.

На примятом клевере сладко! Даже силою...

– Я тебе доверился! Верь и мне, красивая!

28.12.2020 г.

О страшных сказках

1.

В крошеиной мгле, где хрупкие мостки,

А под стопой позвякивают кости...

Где в окна не стучат ночные гости,

И вглубь земли потянутся ростки,

Где небо с перевернутым лицом,

Лиловым светом ляжет на иконы...

Ты отобьёшь последние поклоны,

Чтоб снова стать улыбчивым юнцом.

И эта мука вырвется из вен.

Дурушиникам нет рая, только битвы.

Произнесу ни клятвы, ни молитвы

/покинув тела долгосрочный плен/.

А только обещание любить!

Одно лишь «да», обветревшее губы.

И небо упадёт на то, что любо.

На то, что за две жизни не избыть.

Мир оборотный пересечь тайком!

Вот только ни о чём жалеть не надо.

Кто древним блазном к боготи влеком,

Тот знает вкус беды и вкус услады.

Когда в корундах спелая луна,

Украшенная бархатом червчатым,

Внизу как будто станет не видна,

Все те, кто на беду в любви зачаты,

*Сумеют мир увидеть. Но на дне!
Мир настоящий, солнечно-соляренный.
А мы останемся вдвоем.
Наедине, скажу «ну здравствуй друг!
Сердечный и желанный».*

2.

*Коль пожелаешь Сирина заткнуть
И разодрать на перья и запчасти...
(Добро должно быть с кулаками)!
Не забудь, причины жалости и прочего участия,
К тому, который тихо умирал.
А после, прорастал в твою грудицу...
Из века в век Тебя в других искал,
По площадям и чащам нелюдимым.
Довольно этого. Бери сапожный нож,
Как только нечисть опознаешь в кроткой птице.
Кто в церковь в прошлой жизни был не вхож,
Тому и здесь в святых не уместиться.
Попробуй, сдвинь заслонку от печи,
Огонь из страшных сказок выпуская.
В монастыре безвкусны калачи.
Хоть кажется, что ближе там до рая!
Но Русь толкала лучших сапогом.
С руки кормила. После, била в темя.
Выпытывала «думаешь о ком?»
Кого ты любишь? И во что поверил?
Изрезанные вдоль и поперёк,
Ютились по темницам и подвалам.*

Ну, а потомкам снова невдомек,
Что все доносы отливают алым.
Из страшной сказки можно ли сбежать?
Конечно, да! Но по какой дороге?
Сбежишь к себе, а мёртвая вода,
Заполнит рот и выльется под ноги.
Сквозь лунный свет пробьется иван-чай.
Как символ мглы и русского безверья.
Услышав стук, иди, давай, встречай!
Того, кто отказался от забвенья.

В лесной глуши приятно босиком,
Бродить по клюкве среди болота.
Но спросит Русь: «ты думаешь о ком?
О ком печаль, тревога и забота?»
Поберегись, чтоб сдуру не сказать!
У страшных сказок есть глаза и уши.
И забурлит прозорливая гать...

Пусть Сирин вновь орёт.
Не вздумай слушать.

4.04.2025 г.

Твои глаза – две русских незабудки

*Люпинов чароитовых дымок
Плывёт над Русью. Капает на плечи.
Любовь не грех. Не праздность. Не порок.
В один единственный, такой счастливый вечер!*

*Да! Было с нами. Много лет назад.
Саян измятый, твой змеился пояс...
Я и теперь от ласк твоих не скроюсь,
Коль в темноте попячусь наугад.*

*Над соснами зайдетя пустельга.
Не думай, спи! Не вспоминай о доме.
Пусть ручейком жемчужная серьга,
По локонам твоим в мои стечёт ладони.
Ты отдыхай, забывшись на груди!
Лежит в люпинах сорванная ферязь...
Прошепчешь тихо «сядь, не уходи».
Я не уйду! Я силами померюсь
С твоими катами! Безумие и блажь.
Рубить наотмашь. Но теперь мы вместе.
Ты боль свою до капли мне отдашь,
Чтоб я вплела её в стихи свои и песни.
Пусть говорили «ведьма». Только зря.
Была бы ведьмой, всё б остановила!
И ложь, и гнев, наушников царя.*

Была бы ведьмой, знала б где могила.

*В постель из тальника и жаркого песка,
В постель из трав, легла с тобой. Не глядя.
А завтра, кровь с разбитого виска,
Сниму губами. Не награды ради.
Вчера – постель. А завтра, меж камней,
Наш след и прах размоются у Слудки.*

*Но с каждым веком я люблю сильнее,
Твои глаза... две русских незабудки!*

21.04.2021 г.

Колыбельная белого кречета

*Милая, знаю, как тяжело ночью присниться
опальному князю!*

Алексей Кудрявцев

*Поздним вечером, сяду кречетом. У дверей.
Дай мне руку! Подставь же плечи! Да поскорей!
Улетал от тебя и камешком падал в тьму.
Спи родимая! Лягу с краешку. Обниму!
Погляжу на тебя заклую, без креста.
То ли третья, а то ли пятая? Ох, устал.
Ты поверь, я давно намаялся, ту искать, что явилась
в темницу
Вечером. Приласкать.
То ль бахмур! А быть может, невидаль.
Сон простой! Обвенчали (а жить-то некогда!).
Но не с той.
Я сегодня смотрю на спящую, душу рвёт.
Лоб потрогаю... настоящая! Здесь живёт.
Не своей огрызнулась смертушке! Ох, смела!
Не волшебница. Просто девушка. Для тепла.
Где-то в тереме, а не в темени. У икон,
Назовёшь ты меня по имени!
И поклон, примешь гордая и упрямая. Не гневись!
Я когда-то молил ту самую «назовись»!
Вроде проклятым, вроде проклятым, нет пути.*

А сумел через реки-омуты, всё ж найти.
Видно любит своих отверженных, злая Русь.
Не могу больше радость сдерживать, прикоснусь!
Заблудился, попавши в боготъ я, хоть кричи...
Коли мёд ты, я буду дёготь. Не молчи!
Прикажи мне найти пахучую сон-траву!
Мне досталась, конечно, лучшая!
Не уйму, стука горького, стука страшного, я в груди.
Не бродить мне теперь отважно... Коль один!
Одному на пирах и праздниках – не в раю.
Притворился январским кречетом Гамаюн.
Мне б ячменного, кваса сладкого, кови большой!
Ну, а после, за платья складки хорошо
Потянуть. Пусть трещит червчатая, ткань
с шитьем...
Доля чёрная и проклятая, точь питье.

Мне яглить да туманом пениться, коль уснёшь.
Мне в тебя до сих пор не верится! Вдруг спасешь,
Мою душу! Вдруг пропащую между лун...
Видно, проклял кого из пращуров Гамаюн.
Белым кречетом делать нечего... Псом бы стать!
Самым лаловым липким вечером завывать,
Под твоими окнами, под твоими ставнями,
Круглый год...
– Заходи! И не бейся птицею, у ворот.

19.04.2021 г.

Ладная моя, родная

*Ладная моя, ладная!
Рядом встанем, прильнём к окладам.
Поклянись же, моя отрада,
Всё возьмёшь! Что тебе я дам.
Пахнет травами, пахнет ладаном.
Ладная моя, родная!
Ты дана мне. Точнее отдана! Господом.*

*Поклянись, в чём хотела ранее!
Коль не страшно, давай взбунтуемся!
Да не против же Богородицы
И не против небесных сил.
Мне всегда доставалось малое!
Счастье редко у грешных водится.
Приобнимемся, поцелуемся.
Коли так же, тебе я мил!*

*Против хвори да против темени,
Против бесов что из подклетей,
Чуть воспряну! Пусть свищут плети,
Самых страшных моих грешков!
Только если ты есть на свете,
Коли ты не мираж, не ветер,
То стерплю я мученья эти!
Палачей удивлю смешком.*

*Не разбавилась кровь боярская
Ядом, марью, кручиной горькою.
Одарю я тебя по-царски,
Как проснёмся вдвоём на зорьке.
Я платки воровал на раны!
Как польётся вода упрямо,
Из груди на откос песчаный...
Так прижму
И слоняюсь пьяный.
До тебя. И к тебе. Одной.*

*Протекают сквозь Русь туманы.
Только, кажется, скоро стану
Я веселым, живым, румяным,
Коль останешься Ты со мной!*

25.04.2021 г.

Ты – мой воин! Я твой поэт

*Был душителем, стал защитником?
На ресницах полночный дым.
Накормила душою сытненько.
Принимать поклялась любым.*

*Не скупой на мужские ласки,
У порога оставил меч.
Нынче ходишь ко мне с подсказками.
Нынче рвёшься меня стеречь.*

*От зарёванной лживой кротости
И подвально-темничной мглы,
Мы прошли города и волости,
Создавая не из золы, а из марева древнерусского,
Твой истерзанный силуэт!
Не жалею моё горло узкое.
Ты – мой воин. Я – твой поэт.*

*Ты вздремни на моём предсердии,
Раз не выспался на плече.
Поцелуев из милосердия
Не бывает для палачей.
Лишь любовью, к руке обветренной,
К прядям золота на виске,
Век за веком, песоча трепетно,*

*Люди гонятся, не в тоске.
На Казанскую, на шольскую,
Заискрилась твоя блесна.
Долго думала – богохульствую.
Оказалось-то! Влюблена.
Нынче солнечный и понятливый,
Гордый воин, боярский внук,
Улыбаешься мне, податливой,
Чуть заметно касаясь рук.*

13.11.2020 г.

СОЛОВЬИ

*Что хочешь ты сказать про соловьёв?
Строкой неровной ломаной и нервной.
Туманно-пенен, сказочно-ольхов,
Ты мой единственный. Хотя, увы, не первый.*

*Рогатый месяц призрачно хорош!
Сегодня не кровит и светится лазурью.
То «ясочкой», целуя, назовёшь.
То с болью наречёшь «проклятой дурью»!*

*Ласкучий мой! Колени приобняв,
Срывая платье, ленты выплетая...
Коль разрешишь, я боль твою, приняв,
Дойду с тобой, теперь уже до края.*

20.05.2021 г.

Энколпий

*Прожигает энколпий кожу.
Чувство глупое бьётся в сердце.
Ночью слышу:
– Скучаешь тоже?
Пустишь ясочка, отогреться?
Это я! Твой любимый грешник!
Так не мучают самых лютых!
Спит спокойно мой брат, кромешник.
Спит спокойно палач Малюта.
Спит Иван. Не тягают черти.
Лишь суют для игры таврели.
Эх, счастливые! После смерти
Умереть без затей сумели.
Спит Бориска. Ворота в дёгте.
И не стыдно! Глаза в подушку.
Об меня же, все точат когти.
Но шепчу я тебе на ушко:
– Если крест на двоих, не тяжесть!
Эх, какая же вместе мука?
Никому ничего не скажем.
Ты позволишь войти без стука?
Потерялся давно энколпий.
Разорвали гайтан нашейный!
Из десятка пронзивших копий,
Из десятка моих лишений,*

*Умоляю! Не стань последним!
Коль не вступишь, уже не встану!
Нет платков? Разорви передник.
Да, опять!
И опять на рану...*

*– Здравствуй, гость. Где носило нынче?
Впрочем, это теперь неважно!*

*Прожигает плечо привычно
Взгляд родной. По-оленьи влажный.*

6.08.2021 г.

Кострома

*Астра, астра... Кострома!
Мне б орехов да вина.
Фиников в меду! И руки,
Чтобы чьи-то возле сердца.
Дай, девица, обогреться!
Не пужайся, не тулись!
Белых птиц пуцу я ввысь
Для твоей забавы!
Думал, захочу, уйду. Но хлебнул отравы.*

*Астра, астра, Кострома!
Что ж ты, девица, бледна?
День, смотри, румянится!
Параскева Пятница придержала дождь.*

*Астра, астра, Кострома!
Всполохи да блики.
Думала, ты здесь одна? Да! Я не великий
Мастер, чтоб других беречь.
Сам себя посеял глупо...
Коли сечь,
Схвачусь за меч. Колдовство?
За ступу.*

Дым плывёт над богадельней.

*Дремлет смолянистый ельник.
Знай, приду опять хмельной!
Чуешь на спине ладонь?
Хоть бы крикнула «не тронь!»
Вспомнила приличия!
Нет! Хохочешь и поёшь! Всё поёшь по-птичьи.*

*Ох, зашлось сердечко к ночи.
Измотала, девка, очень!
Постоянной бабской звягой.
Ты позволь, с тобой прилягу
На траву, где горобцы
Собирают зёрнышки.
Смотрят с неба праотцы...*

*Пей со мной!
До доньшика.*

26/28.09.2021 г.

Разговор с городом

*Ночь над озером клубится.
Стынет город вековой.
– Вспомни, вспомни, голубица...
Вон он! Помнишь? Кто такой?*

*– Город! Нынче что расскажешь,
Карты, кости, разбросав?
Почему мой милый в саже?
Кровь дымится на губах...*

*– Хороши с ним поцелуи?
Коль по нраву, забирай!
Своей доли не минуешь.
Вам заказан пропуск в рай.
Но открой мои шкатулки!
Там подарки на двоих.
Как затихнут переулки,
В верхнем мире для живых,
Ночь настанет, загуляем!
Пейте, пойте! Всё стерплю.
Да не стой ты, как больная.
Знаешь ведь, как вас люблю!
По два раза не венчают.
Снова вам не умирать.
Снова, дети, вас встречаю!*

*Этих встреч не сосчитать.
Были юны, были босы.
Были в шубах и в холще.
Помнишь, распускала косы,
На разложенном плаще?
Мяли простыни, перины...
Я – хранитель этих тайн.
Как зовут тебя, Марина?
Что ж ты жмёшься? Вспоминай!*

*Сраму мёртвые не имеют,
Коль приходят до живых,
То заплачут, то обнимут.
Не чужих. Всегда своих!*

*У Плещеева блуждая,
Вместе с солнцем сделав круг,
Я замру себе чужая.
Своё имя, вспомнив вдруг.*

30.09.2021 г.

Богородица Сентябряна

*Богородица, Богородица! Сентябряна.
Посеребрила, позолотила.
У сентябрьской Богородицы чудесинок нет в карманах.
Ему – налево. А мне направо.
Что это было, матушка?
Платок, россыпь пятнышек.
Словно больна чахоткой... Лампадкой горят бархотки
По ободкам слободки.
Было пьяно! Не сытно. Даже несолоно.
Ох, несносная нынче осень!
Была смешливой, была веселой.
Хватит! Напрыгалась.
Пусть стихами кровавыми хлещет из глотки...
Детский лепет – сия слободка,
где выплясывал твой любимец!
Кто не вытянет – проходимец.
Не надорваться бы, Богородица?
Но разве он... не из солнца?!
Молчит Богородица Сентябряна.
Вокруг потемнело. Вокруг уныло.
Крест сегодня, как Ты – рябинов.
Сдёргивай смело, кидай в корзину,
Всё, что осенью этой потребуешь!*

*Всё, что сдюжишь и сможешь.
И тогда... случайный прохожий,
Остановится у перекрёстка,
Похожий на фреску с блёстками...
Тебе улыбнётся. И вместе с ним Богородица.*

21.09.2020 г.

Билет до Кириллова

Больно. Упасть лицом в снег, который выпадет

В этом году раньше срока.

Не оставив после себя ни крупинки лета.

Или купить билет на скорый до Кириллова? Белозёрска?

Кому сценарий выгоден

Твоего озорства и моего позёрства?

Там озеро зеленой берилла. Там под ногами ил.

Кустарники – каждый кизилловый.

Там где-то ты, потерявший крылья.

И я. Не нашедшая их.

Добрести до воды, когда та промёрзла?

Дойти босиком до самого тонкого места...

Пока не проломится! Для тебя?

Загрустит Богородица, превращенная в голубя.

Брести не скорбя.

А только ноги, любя, изрезать об лёд,

Искать тебя по всем прорубям

Жизнь напролёт.

Если близким становится тот,

Кто умер отнюдь не вчера,

Если душат (не лечат) осенние вечера,

Став пылью на старых рамах,

Подожди до зимы. И в свитере старом,

*Барахтаясь в чёрном и алом,
Домашним отрезав «надо»...
Между собственным раем и адом,
Иди босая до Белозёрского храма.
Чтобы просто сказать «ты – самый».*

8.10.2020 г.

Чадили дымницы

*Коль выживу, то останусь рядом...
(автоцитата)*

*Чадили дымницы. Запутавшись в дожде,
Брела по берегу немая и босая.
Ты, слов на ветер не бросая,
Наобещал себе и мне,
Несчастных триста лет.
И горьких двести...
Я выжила (уввы!) и получала вести,
О ком угодно. Лишь не о тебе.*

*Чадили дымницы. А реки будто вспять.
Как хочется уйти по водной глади.
Туда, где нынче просто сладить
Всё, что корёжилось и билось.
Ах, сколь б ниточка не вилась,
А приведёт, несчастная, к тебе!*

*Свет Богородицы прольётся на лицо,
Распухшее от соли и побоев...
Ты говорил «не стыдно быть изгоем
Среди трусливых подлецов»!*

*Пусть ночь над городом.
И дымницы чадят.*

*Когда-нибудь все смолкнут. Бога ради!
Проклятия быть может, догорят.
Как догорает солнце на закате.
И хватит.
Рядом ты.
И дымницы чадят.
И что-то бесконечно долго снится.
Стучит в окно глазастая синица...
Она здесь вестью о тебе.*

*И дымницы чадят,
Чуть видные во тьме.*

25.09.2024 г.

Ежели ты со мной...

*Душу дерёшь мне в клочья!
Мог ли тебе помочь?!
Был бы последней сволочью,
Так не ушёл бы прочь!
Стянуты руки вольные
Насмерть! Одной петлёй.
Мне помирать не больно,
Ежели ты со мной!*

*Вновь на кровавой зорюшке
Лютый приходит враг.
Ты же потерпишь, солнышко?
Нынче, прости, вот так...*

*Скруткой пахнёт березовой.
Мне бы пока вздремнуть.
Вытри пустые слезы!
Рано в последний путь!
Всё, что сегодня выплачем,
Сбросим с уставших плеч.
Будешь мне петь по-птичьи.
Я, твою дурь стеречь.*

*Где-то мосток Калиновый.
Там завершится сказ.*

Встретишь, прошепчешь «милый»...

Сладко, точь в первый раз!

Будет борьба неравная.

Каждому личный бой.

Знаешь что, девка, главное?

Главное, я с тобой.

18/19.02.2025 г.

Купальское

*Коль луна серебром рассыплется,
Чтобы спрятаться в рукаве,
Коли озеро наземь выльется,
Чтобы стихло по всей земле...
Если птицы замолкнут с горечью
Или с радостью... А, плевать!
Мы возьмемся с тобою за руки!
Чтоб обняться и рядом спать.
То ли в полночь, а то ли вечером,
То ль в затмение поутру,
Ты мои зацелуешь плечи...
Видя, видя меня одну!
Травы мять, и вдыхая горькое,
И не думая ни о чем...
Я проснусь под багровой зорькой
Поцелованная в плечо.
Что ещё мне теперь пожертвовать?
Что ещё за тебя отдать?
Мне и так по злобе начертано,
До конца своей жизни ждать.
Алых лун хоровод бликующий,
В воспаленных зрачках мелькнет
Милый мой, целый год тоскующий,
В ночь купальскую нежно льнет!
Утром раны чуть-чуть затянутся.*

Я проснусь на сырой земле.
Травы клонятся и качаются.
Как затянут, всё о тебе!
Мы приходим сюда бездомные.
И уходим по одному.
Лишь в купальские ночи темные,
Всё случается по уму.
Погоди, погоди печалиться.
Посмотри на луну – блестит!
В ночь купальскую все встречаются,
Чтобы волосы расплести...
От тебя я не скроюсь. Коришном,
Подрезаешь! Своё берешь.
– Здравствуй снова, моя хорошая!
Ну, рассказывай, как живёшь!
Губ не дуй, будто мной обижена!
Что добыл, то швырнул к ногам.
Снова норов? Недаром рыжая!
Подступили туман и мгла.
Положивши на травку сабельку,
Усмехнется, ко мне прильнет.
Мой волшебный, цветочек аленький,
В ночь купальскую отдохнёт...

6/7 июля 2025 г.

Художественное эссе проекта «Дорога Фёдора Басманова»

Смерти нет. Есть только Ты и Плещеево озеро

Переславль, Елизарово. Сентябрь 2020 г.

У времени коготки острые.

Глазки серые, как купола в Елизарово.

Над одинокостью осеннего острова

Рыжее носится, плещется зарево

Плещеевское, Залесское.

*В гостинице занавеска пропустит лучи
восходящего солнца,*

Когда я уйду, забрав кольца, блокнот и куртку.

*Я замру на минутку, чтобы запомнить ночь под
звёздами Переславля...*

– Марин, не читай мне больше стихи про Фёдора!

*С подружкой вместе много лет. Прошли огонь, воду, мед-
ные трубы. Стоит испуганная. Прикрылась платком, точ-
но шибко верующая. Хотя все мы, дети советские, в Бога
живого верим, во вселенную разумную, черта под лавкой дер-*

жим, поплёвывая в сторону чёрной кошки.

Согласилась встретиться лишь в храме. Пусть думает, что здесь безопасно. Я чувствую, как за моей спиной усмеваются. Безрадостно, правда. А как же! Напуган. Что будет? Не откажусь ли? Не прогоню ли?!

Только потом соображаю, что за храм я для встречи выбрала. Проходим через зал, присаживаемся прямо напротив мощей митрополита Алексия. Что ж, прадедушка твой родной, тебя не защитил?! Тебя, «звезду золотозарную»! Если ты не золотозарный, то кто?! Не уберег, правнука своего! Что тяжёлое и страшное искупаешь ты, сокол, за весь род свой?

– Как придёшь, после тебя след. Иконы со стен падают. Не надо больше, мне страшно!

– Про Донбасс читать можно?

– Можно. И про остальное можно. Про Фёдора не надо.

Мне не легче. Наваливается духота, сжимает грудную клетку. Близким тоже прилетело. А про Донбасс сейчас не хочется. Совсем. Внутри про другое. И это другое – живое. Не мёртвое. Бьется, словно птенчик, ворочается. Все иголки свои выпустил. То мороком назовут, то бесом, а иголки выпускает в меня. В моё сердце. Теперь – моя защита нужна ему. И никого у меня кроме меня нет.

– В ваших последних стихах, Марина, душа рваная, – говорит постоянный читатель. Единомышленник. Сто лет знакомы.

– И это не ваша душа. В кровянице всё плавает. Хорошие стихи, за это не переживайте. Если сможете. Вот только вы ли их пишете?

Тяжело. Ему пять веков тяжело. Сколько веков мне будет тяжело?

Я знаю, что нужно очищение и помощь. Иначе не вытяну. Ни себя, ни его. Надорвусь. Где это взять? Стаскиваю платок, смотрю на подругу. Не слышу и не слушаю.

Елохово. Митрополит Алексий – сын боярина Фёдора Бяконта. Ума может попросить? Сил? Нет. Помоги устоять! Между близкими и чужим, который близким стал, – выбирать не хочу. И не буду. Что-то внутри сразу дрожит, отзывается вопросом... «Не бросишь? Не оставишь? А я ведь тебя, девка, не пожалею, когда пришел!».

За храмом стоит школа, где училась мама. Девочка со Старой Басманной. На Басманную стекались нижегородские старообрядцы. Мои тоже. Увидел прадедушка красавицу Зинаиду в Корельском скиту, бросил на коня, увёз в столицу. Семейная легенда, которая не легенда.

Басманная – название знакомое с детства. Улица с Фёдором и Алексеем Басмановыми никак не связана, но при её упоминании, внутри теплеет. Всю жизнь рядышком.

От моих старообрядцев мне лишь икона досталась. Удивительно, но она вернулась домой всего несколько дней назад. Друзья родителей, с которыми я давно уже связь потеряла, разбирали антресоли, и нашли сумку с нашими вещами. Ви-

димо, осталась с той поры, когда собственной дачи не имея, мы колесили по дачам родительских друзей.

Икона маленькая, деревянная, выщербленная по краям. Бордового оттенка, золотом украшенная. И вот, впервые в жизни я заинтересовалась, кто на ней изображен.

Пальцы с трудом гнутся, подношу икону к свету. Невесть откуда, посреди мрачного дождливого дня солнце выходит, золото вспыхивает.словно нитью дорадовой вышито на кровавистом полотне... Феодор Стратилат! Вот оно. Вот же оно. Единственная родовая иконка уцелевшая, с детства над головой стояла. Феодор. Дар Божий! Заступник и помощник для воина. А Поэт – тоже воин.

Папка приснился за пару дней до своего дня рождения. Я как раз решала, куда поеду на эту скорбную дату. Но у нас в семье скорбеть не принято. В памятные дни отправляюсь не на кладбище (всегда успею!), а туда, где мы все вместе бывали. Последние годы жизни папки, многие города вдвоем объехали. Почти всё Золотое кольцо.

Во сне молчал. Удивил! Ушедшие приходят по-разному. Мама всегда строго себя ведет. Снится крайне редко, с лица никогда не показывается. Если показалась – к беде. А папка всегда весёлый, улыбчивый. Улыбка у него мягкая, чуть смущённая. А тут молчит. За ним – странный город.

А, помню, помню. Были там вдвоём. Вижу себя в красном платье. На волосах деревянный ободок с бирюзовыми каплями. Девочка совсем, ещё не рыжая. Не поэт и не воин. Оба грустим. Год как мамы с нами нет. Озеро рядышком, пронзительно голубое. Я по воде босиком бегала, по самой кромке.

Странное озеро. В нём отражаются все, кого здесь нет. Заглянешь в воду, а видишь на дне невообразимое! Такое, что и по секрету никому не расскажешь.

Я смотрела на озеро. Озеро на меня. Мы разошлись в разные стороны. Как мне казалось, чтобы друг про друга забыть навсегда. Лишь в начале этого года, когда мы сидели на «ковидной изоляции», постучалось стихотворение про Переславль. С чего вдруг?

«Переславль, так Переславль», – думаю я.

Накануне отъезда работаю в РГБ. Именно тогда впервые узнаю про Елизарово. Вот оно как! У Басмановых вотчина под Переславлем была. Бинго! А папа тут причем? Родители не шибко довольны всей этой историей, но девочку свою не оставляют. Впряглись.

Переславль. Сегодня пока ещё чужой город, в который я захочу сбежать через несколько лет так сильно, что Москву перестану воспринимать как родную. Город, который я никогда не постигну. Даже если навечно останусь на берегу Плещеева озера. Мой кармический город.

День первый

Обратных билетов в продаже нет, хотя туристический сезон заканчивается. Немного внезапно. Я строила другие планы. Остаюсь в Переславле на целых три дня. Едва за спиной закрываются двери автобуса, наступает странная тишина. Слышно как падают листья, а с листьев осыпается золотая пыль. Золото здесь повсюду. Сентябрь. Двадцать восьмое. Папин день. И день Никиты Готского. Но про второе я не знаю. Пока что.

Запрокидываю голову и слушаю. Наконец, понимаю, что изменилось! Мороков больше нет. Они остались в автобусе. Липкие и грязные бесы, прикрывающие свои рожи машинными масками, позаимствованными из самых гадостных эйзенштейновских фантазий. Их будто не пустили сюда. Город встряхнулся, разбросал золото, зашевелился и отшвырнул незваных гостей куда-то в сторону то ли чумной столицы.

А мы? Мы с Фёдором?

Переславль... Ласковий. Осенний. Звенящий. Сила такая, что лучше не задумываться. Страшно станет. И эта сила за нас с тобой. Слышишь? Я чувствую, как меня осторожно трогают за плечо.

– Спасибо.

За что? Ах, да. Привезла. Привела. Лучшего сына Твоего.

Он бы и сам мог, конечно. Летучий, крылатый, скользящий. Что ему теперь расстояния и преграды? Так ведь на живых-то плечах, с позволения человека живого, цена совсем другая. На искупление похожая. Когда говорят тебе, руку живую протянув: «Вместе пойдём! Я отведу тебя домой. Я отведу тебя туда, где ты был счастлив. Смотри моими глазами, трогай моими пальцами»...

Так наболело за пять веков, что нетерпение накануне извело. Утром до будильника разбудили, точно кто-то одеяло стянул. Подскочила ужаленная. Кроме меня дома никого, муж у родителей. Но я уже почти привыкла. Обещала? Выполняю.

Едва слышное «спасибо» таёт. Воздух пахнет листьями и осенним жаром. Земля и трава не остыли еще. Лето повсюду. Гуляет, путается меж стеблями высохшей пизжмы.

Останавливаюсь в Доме творчества на улице Кардовского. Отсюда начинается мой Переславль. Здесь странное место, понятное лишь на первый взгляд. Здесь всегда неестественно тихо. Никого не видно и не слышно, а если и доносятся голоса, кажется, доносятся из другого пространства.

Сегодня тишиной наслаждаться некогда. Едва заселившись в гостиницу, побросав вещи («оголтелая» сказал бы папа), бегу искать такси. Надо добраться до Елизарово, чтобы не откладывать дальнюю поездку на последний момент.

Своё сумасшествие нужно выгуливать. Холить, лелеять,

баловать. Ты – мое сумасшествие. Ты, умерший пять веков назад и случайно выхваченный тем, что разумнее всего называть «поэтическим слухом», чтобы не пугать обычных людей.

На подьезде к Елизарово дорога изогнулась, после чего сахаристо-белый храм взмыл в небо, точно выпущенная из лука стрела. Ох, я не была к этому готова. Подкинуло, точно на качелях. Сердце, наоборот, ухнуло к пяткам. Потом – наверх, стукнуло в горле.

По обеим сторонам дороги – пламя. Золото осыпается. Леса вдоль дорог похожи на птичье оперение. Птица взмывает в небо, растворяется, рассыпавшись на золотые искры, слепит! Огненная русская Жар-птица! Именно в этот момент, она рождается во мне, чтобы через мгновение отделиться, стать образом, связанным с Фёдором, и, сделав круг, опуститься мне на руку. Гордая до невероятного, но решившая почему-то, что со мной ей хорошо. И такая ласковая, при всей своей птичьей важности... Ты моя русская опричная Жар-птица!

Ели-зарово, Ели зарево... зарево. Огонь. Огонь на кончике языка, когда произносишь. Елизарово на самом деле полыхает. Кажется, что одна за другой начинают сгорать в этом огне все скоморошьи машкеры, прикрывающие прекрасное лицо настоящего Фёдора Алексеевича Басманова.

Переславская земля смеётся. Начинает вытаскивать внезапные подарки.

– Храм-то закрыт! – предупреждает меня таксист, когда мы подъехали.

– Спасибо, я знаю.

Осенняя тишина потрескивает сухостью, соломой и граваем. Пахнет дымом. Село живёт обычной жизнью. Дома с красивыми наличниками разместились по обочинам. Сколько поколений сменилось? Сосчитать сложно. А небо всё то же, что и пять столетий назад. Да и земля та же. Кровь в неё ушла, кости истлели, слёзы упали, впитались. Всё это там, на глубине осталось. Сердце стучит тяжело, но я медленно иду к храму, с трудом осознавая и с трудом принимая, что именно по этой земле ступал Алексей Данилович, когда пришёл смотреть, как закладывают первый камень его храма... Храма, в который он мечтал водить внуков на утреннюю службу. Рана незаживающая! Боль от несбыточного и несбывшегося – не моя. А чувствую я. Проживаю я. За двоих проживаю.

Храм распускается передо мной, словно белый крин. Солнце стекает с кокошников на последние осенние георгины и флоксы, будто небесный кравчий решил кувшин до дна опрокинуть. Богородица Сентябряна! Богородица Сентябряна – наша с тобой, только наша с тобой Богородица. Живая Вселенная. Щемяще-белое всё вокруг, такое нежное и хрупкое!

Со стены храма на меня смотрит лик святого Никиты Гот (ф) ского. У подножия лежит букет свежих астр.

Над звонницей кружат чёрные птицы. Когда опускаются на кровлю, в абсолютной тишине слышен металлический цокот, скрежет. Бряцают листья под коготками. Птицы на колокольнях – это что-то о печали, о расставании и обреченности. Птицы на колокольнях – туманная ушедшая Русь. Любимая и любящая, но беспощадная. Самая русская картина – птицы над колокольней...

Дергаю двери. Конечно, храм закрыт. Пройдёт год, и я буду сжимать в руке ключи, вручённые мне в Воскресной школе, что находится через дорогу. Но пока я об этом не знаю. Как и о существовании Воскресной школы в принципе.

Мне удастся чуть раздвинуть двери и просунуть свой любопытный нос внутрь. Звякает цепь и наступает беспокойная тишина. Отсюда вижу несколько икон на импровизированном алтаре и высохший букет астр у лика Христа. Солнце свободолобовиво гуляет по полу, засыпанному строительной пылью. Видно, что реставрационные работы продвигаются, но медленно.

Рядом будто кто-то ходит. Вздрагиваю. Сейчас придут рабочие и прогонят, ибо не надо лезть «где не надо». Оборачиваюсь, но никого не вижу. Никого из живых.

А, ну добро! От души отлегло. Засыпай меня золотом. Оглуши меня тишиной. Хулигань всласть, если хочешь. Я сама тебя с собой позвала.

Присаживаюсь на ступеньки и смотрю вокруг. Мне кажется, я парю над Елизарово и Переславлем, с остатка-

ми осени, с листьями, с белыми хлопьями облаков. Плыву быстрее их, не видя пока тех домов, которые люблю. Домов, которые буду ненавидеть. Я не вижу и не знаю, собственного дома, с окном, обвитым гирляндами.

Глеет закат у подножия Александровой горы, ложится на заговоренную полынь слезливым алым светом. Собирает Марина Арнольдовна в своем саду гранатовую рябину, носится рядом Гоша. Дом её мурлычет, фырчит и гавкает на все лады, живой дом. А вон, напротив меня, дом теплой и добродушной Татьяны Гусевой, что выращивает сказочно красивые ирисы. Пройдет несколько лет, и я буду рассказывать о Фёдоре в библиотеке Рязанцево, где она работает и создает уютное пространство для людей. Об этом я тоже пока не знаю. Через дорогу, приземистый дом Марины. Она печет на подворье Воскресной школы, настоящий (не магазинный!) хлеб.

– Плачешь?

– Плачу, Фёдор, плачу. Но это от счастья. Ничего страшного.

– Рюмы вы, девки. Ничего не поменялось. Беда – плачете, счастье – плачете.

– Не умничай. Думничался уже в своё время. Всё одно как девке за помощью пришёл.

Фыркает, вздыхает.

Солнце становится тяжёлым, сбивает с бархоток лепестки. В воздухе появляется горьковатый запах. На абсо-

лютно голубом (словно озеро) небе туда-сюда елозят клочки разодранной белой ваты. Между кокошниками покачиваются молодые тоненькие березки. Силу свою показывают. Если слушать долго, можно услышать, как корешки разрушают камень.

Елизарово, Переславль, Полоцк, Рязань, Калуга, Великий Новгород. Рядом со мной сидит юноша, горит золотом охабень. Глаза серые. Отсвет стальной, беспощадный. Так только лезвие лучшего кинжала сверкать может. Глаза цвета битв, на которые он не попал. Когда хитрость задумывает или сердится, начинают отливать озерной голубизной. Плещеевское просыпается, непостижимое. Русый локон, как и цветы на солнце – прозрачен, золотом вспыхивает.

В глазах смеющихся белые колоколенки отражаются. Руки привычно прячет за спину. Чтобы меня, нервную «рюму», ещё больше не пугать. А я всё о нём знаю. Руки-то в кровушке по локоток, кровушка государевых изменников. А может и не только... Что ж, как мой муж говорит, разговор с государственными изменниками, должен быть коротким. Сами виноваты.

Улыбкой своей к месту привоздит, рассудка лишит, но и напугать может. Вот только отцовской крови на этих руках нет. Отца до одури любит, за что же грех-то этот на тебя повесили, сокол? Уж, не за любовь ли эту? Те, кому любви не досталось, любовь других ненавидит. Про женици-

ну и мужчину скажут «блудники»! Про государя с вассалом скажут «содомиты». Про отца и сына с три короба наплетут и «художественным вымыслом» эту пакость назовут!

Утешишь ли тебя Фёдор Алексеевич, если скажу, что пять веков спустя, ничего у нас не поменялось? Нет, я не жалеюсь. Как есть говорю. Ты моими делами голову свою не забивай. Она и так у тебя бедовая.

Солнце в самом зените. Как будто хочет и меня и бархотки спалить, сжечь прямо на месте.

А мне хочется закричать во всё горло. Приваливаюсь к холодной белой стене. Эта земля никогда не являла миру отцеубийц. Никогда.

– Поклянись, что мне веришь?!

– Дурак! – я чуть не плачу от обиды. Пространство истончается, солнце сжигает тонкую границу между мирами.

Невероятные сила и чистота тебе дадены русским древним озером. Ломаный, переломанный, перекрученный. Себе на уме! Сколько же в тебе пропало! Озёрный, ты мой. С одного озера начинался, в другое ушёл. Порочный по-русски, разбойник, опричник, боярин, яхонт-князь³. Всё в тебе есть.

Белая храмовая стрела, взмывшая ввысь, она в меня впилась. В самое сердце, куда-то под ребро. Впилась с тихим протяжным «Феооо...». Уже никто не вытащит.

³ Яхонт-князь – художественный образ автора Аллы Суонинен.

Встречаю закат на городских валах, что полукольцом обвивают город. Переславль – живой. Вечером я слышу шаги за спиной, но обернувшись несколько раз, никого не обнаруживаю. Мне не страшно. Я знаю, что это город так со мной разговаривает. Шуткует, забавляется. Юмор у города своеобразный. С огоньком, с задором. Молодецкий юмор, безудержный. Юмор молодого боярина.

*В Переславле-Залесском всё не то, чем кажется. Я пойму это сейчас, и понимание останется со мной навсегда. Сколько раз я сюда еще приеду! И каждый раз Переславль будет упорно мне доказывать, что **«здесь всё не то, чем, кажется»**. Даже я сама. Город удержит меня своей молодецкой ухарской силой. Точно человек, которому я много веков назад дала сильнейшую клятву.*

Поднимаюсь повыше, чтобы увидеть, как последняя красная полоса клюквенного заката чиркнула по небу и подожгла золотой купол горделивого Никольского собора. Зазвонили колокола к вечерней службе. Собственной судьбе покоряясь (или откликаюсь на чей-то шёпот?), иду на службу в Свято-Троицкий Данилов монастырь. Данилов – самый мрачный, самый мистичный и самый тяжёлый по энергии. Тёмные липовые аллеи и серые купола, поросшие мхом. Но именно Данилов станет любимым. Любимцем. Имен-

но Данилов ощущается таковым уже сейчас. При первой встрече. Именно здесь узелки завяжутся. Или... уже завязались? Или завязались несколько веков назад?

После двух женских монастырей, которые успела посетить днём, мужской. Тяжёлая энергия. Плотная. Данилов тронул. Зацепил. То ли по-доброму, то ли коготком остреньким по живому. Монастыри в Переславле тоже не то, чем кажутся. Пару лет спустя, я прочувствую это на собственной шкуре.

Успеваю лишь к окончанию службы, когда последнюю молитву дочитывают. Догорают две свечи у лика Спасителя. Нет никого.

И я одна. Свечные огарки едва сдерживают темноту. Из углов Троицкого храма подступает живой русский сумрак. Он пульсирует, дышит, наваливается на согбенные фигуры читающих, на иконы.

Я замираю, ноги прирастают к полу. Чудится, что из этого дрожащего русского сумрака сейчас кто-то выйдет навстречу. Я вижу не глазами, но чем-то внутри себя. Скрещенные на груди руки и бледные, бескровные губы, тронутые синевой и едва заметной улыбкой. Завтра этот кто-то будет отпет. Или нет? Как прикажет знаменитый крестник основателя монастыря. Слово государево – закон.

Я зажмуриваюсь и пропускаю этот живой сумрак через себя. Может зря? После этого он навсегда останется у меня под ребром. Как и белая звонница, как и огненное Елиза-

рово. Кисельный, ядовидо-спасительный, наполняющий сопричастностью с другими временами и общностью с чужими людьми.

Свечи тем временем догорают окончательно, а голоса смолкают. Во тьму погружается Троицкий собор, а вместе с ним и весь город. Рубеж пройден. Наступает ночь. Мне нужно отправляться или к себе в гостиницу или в центр. Переславль, ухает, точно ночная птица, заблудившаяся в озерном тумане.

Осенью ночь приходит рано. А так, время детское. Девяти часов еще нет. Решаю гулять дальше, но перед этим немного отдохнуть, перекусить и одеться теплее. В гостинице, открыв книгу, купленную в лавке Данилова, узнаю, что этот монастырь, единственный в городе, построен на скудельнице, на Божедомье. Но не божедомские нищие и безымянные путники, погребенные милосердным Данилом, крестным Иоанна, бродят по углам, улыбаются из сумрака печально. Не они. Они давно нашли покой.

Над Всехсвятским храмом (Данилова монастыря) застыла луна. Она жёлтая, сырная, но испачкана красным. Жмурюсь. Нет, не показалось. Плавает луна в алой дымке. Насаживается на крест, крутится. Хочется снова подойти к монастырю, тянет безудержно увидеть, как трава наклоняется от ветра возле самых Святых ворот. А рядом... рядом Сокольская слобода, откуда хищные птицы взмывали в небо.

К вечеру первого дня постепенно понимаю, где я оказалась. Понимаю, что думать и анализировать не надо. Нет здесь времени, нет здесь единого пространства. Яркие современные вывески на старых домах – это пыль, которую способен сдуть даже сильный ветер. Да и сам город всего лишь обманка. Декорация для туристов. Если его взять и перевернуть, как детскую игрушку, там, внизу, окажется ещё один город. Настоящий. Его видят не все. Но кто увидел – останется в Переславле навсегда.

Я брожу по центру и слушаю шаги за своей спиной. Переславль продолжает осыпать меня подарками. Вот тебе звёздное небо в конце сентября! Звёзд столько, что, кажется, сейчас начнут падать исключительно из-за тесноты, капризно сталкивая друг друга.

– Бери ещё! Помнишь, как я плескал тебе водой на ноги и мирил вас с папкой? Помнишь? Я помню. А помнишь другое?

– Нет, замолчи – мне кажется, я знаю, что Город хочет рассказать. Но я не готова.

– Давай лучше про папку. Да. Папка. И я, девочка в красном платье. Десять лет назад это было...

– А как тебя звали, ты помнишь? Ладно, не мучайся. Не время. Бери мои тайны, бери мои подарки. Просто так, ничего взамен не потребую.

Ночь. А я сижу на ступеньках церкви митрополита Петра. Зелёные чешуйчатые купола Владимирского собора ста-

ли черными пиками и проткнули небо. Из этой раны посыпались молочные звёзды, посеребрили изображение Богородицы на фасаде собора.

День второй

Выхожу из гостиницы до рассвета. Осеннее утро сонное и ленивое. Просыпается медленно. Воздух ещё прохладный, но видно, что день будет хороший, разгуляется. По дороге к Плещееву озеру, заворачиваю снова посмотреть на Данилов монастырь. Ранним утром он такой же таинственный. Стоит на самом краю времени. Пограничный. Между этим миром и тем. Рассвет размазал над воротами розовато-серые, золотистые полосы.

Прохожу через весь город пешком. Плещеево озеро находится за Никитским мужским монастырём. Приближаюсь, когда ночной туман окончательно рассеивается. Вот оно! Почему-то хочется прошептать «родное»... Плещеево озеро.

После поворота багряно-оранжевый лесной массив отступает, и я вижу голубой глаз, идеальной формы кабошон. Цвет настолько яркий, что я зажмуриваюсь, глаза слезятся!

Это озеро помнит всех. Озеро или небо? Кто из них главнее? И кто на кого похож? Я стою и плачу. Чувствую уже сейчас, что через какое-то время захочу остаться здесь

навсегда. Не знаю, как это будет. Но это будет. Знаю. Меня больше никуда не отпустят. Я выросла в Москве. Я невероятно люблю сильный, отважный, честный... родной Донбасс. Я безмерно уважаю загадочные Кержачи, которые обрету через пару лет после написания этих строк. Но остаться я захочу именно здесь.

– Смерти нет. Есть только Ты и Плещеево озеро.

Это не образ и не красивость. Это знание, поднявшееся из моей собственной глубины.

Утренний звон летает над водой, переплетается с волнами. Я сижу на берегу и слушаю озеро, закрыв глаза. От озера исходит сила. Вокруг озера – вечность. Сила добрая, как и город. Не разорвёт. Если слабый – просто отступит, не будет мучить. Если сильный, помучает для пользы. Чтобы больше знал, больше умел, большему научился. Ты выдержишь, хоть голова будет кружиться.

Озеро нащёптывает «здесь нет мёртвых, здесь нет смерти». Плещеево помнит меня и моего папу. Как мы подъехали к берегу на зеленой машине десять лет назад. Помнит и юношу, что купал здесь своего коня пять веков назад. У Переславля его лицо (или наоборот?). Город словно дерзкий, нахальный, молодой боярин. Улыбчивый, румяный, нарядный. Гремит браслетами, сверкает перстнями. Гибкий, стройный, переливчатый. Кудри русые разлетаются, серьга жемчужная в ухе... Зубки острые, губы поцелуйные. Руки в боки, носок сапога сафьянового выставил. Вот он я! Лю-

би, любуйся, купайся в этой любви. Платье белое золотом расшито.

Это всё наносное. Есть и тёмная силушка, потаённая. Зачем такую всем показывать? Когда надо, своё возьмёт. Если надо, возьмёт силой. Захочет, милостиво одарит. Захочет, ломает, сомнёт. Коль полюбит, ещё тяжелее придётся, нежели нелюбовью бы возгорелся. Ибо проверять тебя станет. Не балуешься ли? Сам любит с другими шутить, баловаться. А с ним... с ним не смоги! И не отпустит больше никогда.

Глаза – озёра. Разные. Один смешливый, синий, языческий. Русь, кострами объятая. Гора Александрова, Велесова отражается. Радостный, счастливый.

Второй – серый. Точь купола Данилова проступают. Мученичество православное. Глаз полный слёз Богородицы. Смерть в монастырских тюрьмах, холод подвалов, запах плесени и предательства.

Идёт-бредёт юноша по берегу, у самой линии воды. Белыми рукавами потряхивая, дорадовый пояс утянув.

– Кто ты? Город? Или...

В ответ – звонкий смех.

– А ты угадай, раз шибко умная! Уезжаешь?

– Надо.

– А оставайся! Останешься ведь всё равно! Сегодня, завтра... Не лучше ли сразу всё решить?

– Москвичка я – зачем-то сообщаю.

– Уверена? А ты знаешь о себе хоть что-то? О себе, той самой. Настоящей.

Я вывожу на песке «Фео...». Закончить не успеваю, смыкает волной. Мне хочется что-нибудь подарить озеру. Что-то ценное. Что у меня есть? Снимаю с пальца мамино кольцо. Жалко. Но в таких случаях безделицы не дарят. Дарят именно то, что от сердца отрывается с трудом.

Жалею до тех пор, пока волна кольцо не проглатывает. Тут же смыкается поверхность, будто и не было ничего. Оборачиваюсь, услышав смех. Но никого не вижу. Над Александровой горой плывет золотое облако.

Я пока ещё не знаю, что город подарит мне несравненно больше. Закрываю глаза и слушаю, как плещутся волны. Мне хочется услышать в этом звуке голоса всех своих мёртвых. Мёртвых ли?

Смерти нет. Есть только Ты и Плещеево озеро.

День третий

Перед отъездом захожу на территорию Данилова. Тянет безудержно. Вороны с грохотом атакуют звонницу.

Погода за пару часов до отъезда волшебным образом начала портиться. Ушло сентябрьское солнце, небо заволокло серыми осенними тучами. Почти черными. Данилов монастырь находится на отшибе, на возвышении и отсюда хоро-

шо видно как городом завладела непогода, накатила, точно волна от озера. Три золотых дня мне явно подарили. А сейчас срок вышел.

Вороны дерут глотки. Думается о том, что сегодня – ты любимец и любящий. Фаворит и избранный. Живой, румяный, порочный. Объятия твои жаркие. А завтра, среди безымянных прочих... Сомкнутые бескровные синеватые губы и скрещенные руки на разодранной груди. Над тобой – вороны. Которые и через сто лет будут атаковать звонницу монастыря, стоящего поверх Божедомья. А мнихи, будут пребывать в уверенности, что молитвы помогают успокоиться безымянным обитателям скудельниц. Не помогают.

Чудятся за спиной стук конских копыт и молодецкий по-свист, смех ребячий. Эх, с важным поручением к игумену? Отворяй ворота! Снова свист.

Я вздрагиваю. Поправив рюкзак, ухожу прочь. Не оборачиваясь. Я ухожу, чтобы возвращаться в этот город снова и снова.

Придёт время, и я не выдержу. Вернусь навсегда.

сентябрь 2020 г., август 2025 гг.

Сбежать от всего мира, чтобы посмотреть в глаза Одигитрии перед которой ты молился...

*Вологда, Кириллов, Кирилло-Белозерский
монастырь. Ноябрь 2020 г.*

После Переславля жить сложно. Начинаешь искать Переславль повсюду. В других городах. Но в других городах, даже самых лучших, теплых, дружелюбных, ярких, не испытать того чувства от которого разрывает грудную клетку.

Дорога на Вологду. Я сюда не рвалась, но если взялся проходить Путь, придётся идти до конца.

А я пообещала пройти твоими путями. И выжить. Выжить мне гораздо проще, чем тебе в твоём шестнадцатом веке. Мой век – это слезы, капризы и депрессии по поводу и без повода. Несравнимо с той болью и тем унижением, которое ты пережил перед смертью. Вот только не думай, что мне легко ступать по тропинкам, где до сих пор не высохли пятна твоей крови, невидимые глазу обычного человека? Не думай, что мне легко понимать и принимать туристов, что топаят по этим тоненьким багровым ручейкам?

Естественно мы живем на костях. Под нами толща ве-

ков. Все это знают. Неизвестно что находилось на месте самой обычной пятиэтажки в Измайлово, где я выросла и живу. Кстати, моя пятиэтажка стоит на бывшей вотчине Романовых. Существует легенда, что здесь, в Измайлово, опальные могли скрыться от царского гнева. Заповедное место.

Я делаю всё это, чтобы вернуть тебя тебе. Я собираю тебя по частям (несколько лет спустя узнаю, что и себя тоже).

Новые билеты в кармане. Теперь до Вологды. Мужу ничего не говорю. Точнее говорю «поехала к подружке на дачу». Смешно. Так к любовникам сбегают. А я заплетаю косы и отправляюсь на Ленинградский вокзал. Чтобы сбежать от всего мира, и посмотреть в глаза Одигитрии, перед которой ты молился. Слишком личное, слишком сокровенное. Как я такое могу рассказать? И зачем?

Ложась спать в очередной пустой (они все пустые, когда я приезжаю) вологодской гостинице, оставляю возле подушки записку.

– Приходи. Я в Фиваиду.

Мне очень холодно. Вечер выдался промозглый. Вологда, которую не обглодать (тебя обглодает), тоже промозглая. Темная. Ночная и сырая. Неудачно приехала – на дворе ноябрь. Города практически не увидела. Ну, что ж... на обратном пути посмотрю. А вот промокла я хорошень-

ко. Осень золотая уже сгорела. Солнце отвернулось, глядит внутрь себя. В гостинице даже горячей воды нет. Не принять ванну, не согреться. Стуча зубами, заворачиваюсь в огромное двуспальное одеяло.

Ты бы и так пришёл. Слова, закрепленные на бумаге, – всего лишь условность. Иногда я делаю такие вещи, которые делать нельзя. Живым они запрещены. Мёртвым, в принципе, тоже. Но нам с тобой почему-то это позволили.

Я не удивляюсь едва различимым шагам, что раздаются утром возле моей постели. Мягко, будто кот по ковру пробрался, потом на постель запрыгнул. Лишь воздух задрожал...

Снова просыпаюсь до звонка будильника от лёгкого толчка. Но лежу ещё долго, отчаянно рискуя опоздать на автобус. Мне по-прежнему холодно, за ночь я так и не согрелась. Зуб на зуб не попадает. Кажется, это не мой холод. Внутри отчаянная боль погибающего человека. Человека, который отправился в последний путь. Сегодняшний день просто надо пережить.

Я вытягиваю руку. Легкий сквозняк трогает запястье.

Дорога из Вологды на Кириллов и Белозёрск – для многих дорога «в один конец». Надо мной высокое северное небо. Особенное. До этого неба даже взгляд не достаёт. На это небо смотрели те, кого в дальние монастыри везла государева стража. Насильственный постриг, работы, после которых не встанешь на ноги, пытки и дознания. На это небо

смотрела беспокойная царская тетка Ефросинья Андреевна Старицкая. Когда строптивую птицу неволили, молилась. Возможно, в дальней Горицкой обители покой нашла. А возможно, зубы сточила и глаза выплакала. После в Шексне утопили. Вдох последний поднялся к северному небу. Отмучилась!

В автобусе, который идет до Кириллова, запотели окна. По обеим сторонам дороги – серые полосы. Лес и небо сливаются, став безрадостным мрачным гребнем. Яркая зелёная трава не о летних днях напоминает, а подчеркивает бесприютность.

Небо выше, а горло уже. В груди снова комок клокочет. Живой. Съёживается, выпускает свои (уже знакомые мне) колючки. Каждая колючка с палец. Поездки – это то, что я люблю больше всего на свете и то, чего мне больше всего не хватало. Я счастлива. Почти. Происходящее мне нравится, нравится кураж маленького обмана, авантюрный привкус, появившийся (вдруг) среди домашних хлопот. Мечтаю купить что-нибудь особенное в Кирилло-Белозёрском монастыре. Что-то интереснее магнитика на холодильник. Мечтаю о кофе и пирожках, чтобы согреться и ожить. Меня будоражит понимание того, что так далеко я выезжаю редко. И вообще всё хорошо. Разобрав и проанализировав чувства и мысли, осознаю: боль не моя. Ага, поехал-таки, принял приглашение. Теперь злится, колючки в меня вонзает.

В Переславле очищение через светлую боль. Сентябрьским огнём прокалило изнутри. В Кириллове страшно. Не могу ничего сделать. Я больше не свободный поэт. Я отдала себя человеку, которого ещё вчера не знала. Точнее, отдала своё горло. Я разрушила прежнюю себя почти до основания, чтобы собрать, выстроить заново из древнерусских костров, птичьих криков, плачущего донника, православных запретов и языческих вольностей. У меня на руке теперь частенько сидит и расчёсывает слипшиеся за несколько веков перья опричная русская Жар-птица, отливающая чёрным золотом. В Переславле, она показала мне прекрасную сторону своей души. Сегодня рвётся показать тьму под опричным куколем.

Тело расколото. Под лопаткой ножи торчат города Твои. Переславль, Елизарово, Александров, Полоцк, Старица, Рязань, Калуга, Новгород, Кириллов, Белое озеро.

Переславль-Залесский – точка рождения, любви и чистоты. Родился мальчик в студёную февральскую ночь. Богородица у колыбели стояла, передала младенца Феодору Стратилату.

– Воин будет тебе! Славный воин. Мальчик мой, кровиночка!

Александров – точка греха и порока. Работы грязной, работенки заплечной. Эх, много шкур спустил по подвалам. Служил честно. Убивал честно. Не морщась. Руки потом мыл тщательно, но токмо из-за природной брезгливости.

А так... работа.

Рязань, светлая Рязань! Глаза горят, русые волосы ветер разбросал, спутал. Счастливым юный воин!

Белозёрье – точка гибели. Может быть.

Моё дело всё это соединить, собрать твои выдернутые (с кровушкой) перья, что летают по миру.

Во-лог-да... Название хочется катать как гальку округлую на языке. Постоянно повторяю: «Вологда – не обглодать». Светлая, изящная, но холодная. Опричный город. Грозный любил Вологду. Хотя именно в год смерти Фёдора строительство кремля было приостановлено. Упавший едва ли не с неба камень – знак плохой, конечно же...

Сегодня чую рядом с собой опричника. Это не Переславль. Ощетинился, будто есть шанс что-то изменить. В каждом рукаве по ножичку. За голенищем тоже. За пазухой – веревка пеньковая. А, мне как-то всё равно уже. Люблю Тебя и таким. А может, больше всего тебя таким люблю. Опричником. Обреченный убивать ради Государя и Отечества. Обречённый одинаково ловко обращаться как с сабелькой, так и с удавкой. А дальше... Куда пошлют. Служба.

– Жалел когда-нибудь?

Усмехаюсь. Нет, конечно. Я и сама думаю, что изменник, предавший Родину, должен болтаться в петле. Ты прав. О чем тут жалеть?

Приходи. Вытри испачканные руки о мой бабский подол. Я и спрашивать не стану, чем испачканы и в каком доме

утром не досчитаются главы семейства.

Сколько испытывали к тебе ненависть? Обречённый быть мишенью для завистников и погибнуть ровно так, как обычно (во все века) гибнут подобные люди. Клевета, донос. Затем, «вчерашние свои» приходят. Как же они радовались, когда получили право изломать тебя! Тонкого, гибкого словно верба. Содрать дорогие меха, разлучить с детьми, ударить тебя по лицу. Будто именно ты был главным злодеем на Руси.

Смеёшься? Что смеёшься? Острые зубы показал.

Ты был всего лишь счастливым человеком. Получившим от рождения яркую путеводную звезду и достойнейшего отца, который сделал для тебя всё. Ты и сам был достойным. Лучшим из лучших. Отца любил, жизнь любил. Пил жизнь молодецкую взахлёб. Потому и валяются беды на твою золотую голову даже после смерти. Потому хочет нечисть получить твоё имя. Занять его, запятнать. Горит имя огнем.

Таким как ты, ничего не прощают. Никогда. Не прощают отнюдь не те, кому ты всадил нож под лопатку или придушил по царскому приказу. Э, нет. Такие погибали, упиваясь ощущением собственной правоты и принимая происходящее мученичеством. Выпавшим на их долю. Не могут простить те, кого ты и пальцем не тронул. Высоты твоей. До которой допрыгнуть сложно.

А вот и Кириллов. Зловеще усмехается, но молчит. По-

нятно. Закрыт, холоден и мрачен. Радоваться моему приезду тоже не спешит. Ему всё равно. Кириллов спит вековым сном.

Сразу понимаю, что место гибели не здесь. Есть какая-то хитрость. Не доехал? Но чувства неоднозначные. Юлишь! Чего отворачиваешься? Сам, до этих холодных стен сопровождал кого-то? Должен был сюда попасть, а не попал? Не доездили? Устроили настоящий ад в обычной, не боярской тюрьме, подальше от глаз человеческих, подальше от глаз государевых? Доложили потом о случайности, о путанице, о нелепости? На Руси и в России написанное на резолюциях «сам семь раз упал на топор», дело обычное и привычное. Ладно, молчи. А то ты когда говорить начинаешь, меня изнутри каждое твоё слово режет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.